

Владимир
Евстигнеев

ЛЕММА О НЕВОЗМОЖНОСТИ

Владимир Рубенович Евстигнеев

Лемма о невозможности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42660836

Евстигнеев В. Р. Лемма о невозможности : Алетейя; Санкт-Петербург;

2017

ISBN 978-5-906910-75-2

Аннотация

Жанр этой книги – *éducation sentimentale*, воспитание чувств. Обретение речи, чтобы мыслить и говорить бестрепетно о мире, в котором не бывает *happy ends*, но бывает спасение. Автор никогда не ставит себе такую задачу целенаправленно, однако в итоге циклы текстов, сведенные в эту книгу, построились так, что драматургия интимного переживания суровее и освобождается до чистоты религиозного опыта, который всегда – и в самом малом (точнее сказать, в котором малое не отличается от великого) – есть откровение, т. е. *scientia nova* («новое знание»).

Книга полезна всем, кто хочет узнать, как перелицевать отчаяние в храбрость.

Содержание

От автора	7
Дарственные надписи на неподаренных книжках	10
«Хрипит проводка, подавившись костью...»	11
«Глазурью...»	13
«Песочные часы цветов в кувшине...»	15
«Такая связь, как между читателями японской лирики...»	16
Единорог	17
«Ни заботы, ни тоски...»	18
«Фиолетовый март...»	19
Night Club	20
«Мне тебя не прозывать...»	23
«О ты, струящийся и блещущий в росе...»	24
Снимавшемся обнаженным	26
«Чуть брезгливым выражением...»	28
«Открытки, письма с ненавистью краденой...»	29
Бифуркация	31
Ichthys	33
Кунцевская рифма	35
Упражнение для губ	39
«Давай играть в комедию с тобой...»	40
Круг жизни	43
1.	43

2.	44
3. Прибалтика	45
«Когда зима спускается во ад...»	46
«Стеклянные сады Семирамиды...»	48
Sibi, Amato, или Почти по Маяковскому	49
April Fool	51
Продираясь сквозь чesлава милоша, или автор psiuczkiem przydroznym	53
Странная мысль	54
«Медом и млеко, медом и млеко...»	55
Симфония № 5	57
«Не води на живые источники вод...»	59
«Ты думаешь, что любит Бог...»	60
Китайская грамота	61
«Алюминиевой ложкой...»	63
О борще	64
«Очей твоих молвою легковерной...»	66
Day-Dreams	68
Macbeth	69
Horror Vacui	70
Путешествие в Сергиев Посад	71
Акростих	72
«Любимый мой, как холодно и стыло...»	74
Caritas Nunquam Excidit	76
«Шкафчик с пряностями – точно сердце...»	77
Оттепель, или Валентинка для Офелии	79

Подражания	81
1.	81
2.	82
Элементы	84
Nefarius	86
«В кошельке декабрьской ночи...»	88
Вариации на тему судьбы	90
1.	90
2.	91
Jan Szponka	92
Инверсии	93
«...По локти в тумане сквозных палестин...»	95
Hysteresis	97
Беллетристика	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Евстигнеев

Лемма о невозможности

© В. Р. Евстигнеев, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

*...Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила
Моя совершается в немощи.
2 Кор. 12, 9*

От автора

А что расписывать-то? Читайте!

Автор никому не интересен – интересно то, что ему удалось открыть, что касается каждого. *De nobis omnibus fabula mea narratur.*

Помните, как переводил один русский румын из одного француза? Цитирую неточно: «Гулять под липами пора для нас настала»; неплохо переводил.

Эта книга – для тех, кто едва ли способен без ухмылки вообразить себя гуляющим под липами. Чья отрада – не соглашаться с блаженным философом и не «молчать о том, о чём говорить невозможно». Эта книга и есть разговор о том, о чём невозможно сказать.

Krzyżem, братцы, *krzyżem*, не стыдись. *Krzyżem*.

Когда автор перевалил за сорок, то разрешил себе отчасти повзрослеть – не поддаваться искушению исчерпывающих ответов.

Чистые сердцем, кто как *thesaurus meus ubi cor meum*, скажут гневно: «Иди и побеждай!»; а я скажу: «Что если вдруг в то самое мгновение, когда ты повторяешь словами апостола (которого никогда не читал) “*caritas nunquam excedit*”, она-таки *excedit*, да, бывает, ещё как, – что же ты станешь делать, не зная всех горьких слов, которыми я готов тебя снабдить?». И вот – эта книга.

Или – вот, к примеру. Плач стоит на реках вавилонских – о чём чаще всего мы плачем? О не любящих нас. Ведь правда? А когда о нас плачут – усмехаемся. Разве не поразительно устроен мир! И на каком языке его понимать? Нам сказано: *Omnis, qui diligit, – cognoscit Deum, et qui non diligit – non pouit Deum*. Но о том, что любить – это ходить по карнизу, мы должны догадаться сами.

В этом мире одиночество и смерть, «обо мне никто не заплачет» и отчаяние – не досадные недоразумения, вроде простуды, а самые важные послания, и нам насущно необходимо владеть их языком. Предлагаемая книга – попытка потрясенного автора как-то с этим разобраться.

Как пан Юлек написал когда-то (и всего лишь о посещении парикмахерской):

Na szumnym polu kosy i kłosy —
To co innego,
A tu się sypią popiołem włosy
Przerażonego.

Вот пораженный автор и пишет книгу. Упреки самому себе «ты же в окопе не мерзнешь, в ларьке не торгуешь, маршрутку не водишь – сиди уже, не вякай», весь этот умозрительный Бозций в темнице у Теодориха – средство к смирению. Но перед автором иная задача: понимание.

«...Плачьте, когда у вас спрашивают “почему”. Ни у кого из нас нет всех ответов», – говорит папа Франциск (*Verbum*

cotidianum, 30 XI 2015).

Не на все вопросы у нас должен иметься ответ, и не все наши ответы обязаны составлять непротиворечивую систему. Ведь в конечном счете правильным оказывается то, что, с точки зрения иудеев, – соблазн, а с точки зрения эллинов – безумие.

...Deduc me in veritate Tua et doce me quia Tu Deus salvator meus, Te expectavi tota die.

Дарственные надписи на неподаренных книжках

ДАРСТВЕННЫЕ
НАДПИСИ
НА НЕПОДАРЕННЫХ
КНИЖКАХ

«Хрипит проводка, подавившись костью...»

* * *

Хрипит проводка, подавившись костью,
И сырость на стене и потолке
Раскидывает выкройки и шьет костюм
В сутолоке пауков, что знают толк в молоке.

Что же ты передо мной как перед ангелом —
Наготу оставим словарям.
Хан Кучум соседу привез дань – на мангал
Вывалил, тихонько говоря мантры.

Ты зачем мне целиком являешься?
Оставь Аристотелю верить в идиомы рай.
Не ходи в холопы, вождедения тащи ясак,
Тяжкою карай меня метафорой.

Забудь носок заштопать, к примеру,
Или позволь себе легкую ложь.
Зерно сказало: что из меня? – идиома, ежели не умру, —
А умру, то едва сосчитаю до трех – кулеш.

Метафора вожделеет дельфином
К полоске небес над береговой охрой.
В газете письмо Минфина
С пометкой “Начальнику хора”.

«Глазурью...»

Глазурью —
Чешуйкой отсохнувшей краски,
Объемно —
Мошной чеснока в натюрморте,
Беспечно —
Сняв шапку, по мартовским лужам, —
И слепо —
В память твою отхожу.

Окликни —
Еще я могу задержаться,
Опомнись —
Весна подступила под стены, —
Скажи: *Noli*
Tangere circulos meos, —
Я вздрогну —
И наважденье пройдет.

Но поздно, —
Не слезы, а небо в потеках, —
Но поздно, —
Не сердце, а хлопает дверью, —
Но поздно, —
Мой голос растащен в скворешни, —
Но поздно —

Теперь я навеки с тобой.

«Песочные часы цветов в кувшине...»

* * *

Песочные часы цветов в кувшине,
До свиста тесной, удлиненной вазе,
Засада сарацинская в теснине,
Где время тщетно в рог трубит безглазый.

И вечером Господнюю сметану
Пролил пастух, играя на сопелке,
И где-то стрелочник, уснувший слишком рано,
Встает во сне, чтоб передвинуть стрелку.

Уже пора любить и возвращаться
Под кров единственный, ничем не защищенный,
Из Назарета, Шклова или Шацка
Сметанною тропую потаенной.

Уже пора любить – кого захочешь
И, пальцами изображая розу,
Влагать в мои восторженные очи
Любви к другим бесценные курьезы.

«Такая связь, как между читателями японской лирики...»

* * *

Такая связь, как между читателями японской лирики —
Один скажет: “все яблони расцвели”, а другой:

“и я не рожден для счастья”, —

Или между какой-то страной, по которой калики брели,
И зовущим и тонушим небом в ненастьи.

Такая связь, что все последующие – только прием,
Копии для присутственных мест, клеймом оскорбленные
мастера.

Такая, когда невозможно помыслить: “вдвоем”,
А только рассвет донимает анализом кластерным.

Что кажется сладостней смерти уснуть у тебя на груди,
И некуда деть два кило красногрудой китайки,
И смутно и сладостно чувствовать: нет ничего впереди,
А только дуэты синиц, да еще воробыные стайки.

Единорог

Вдоль нильских берегов бегущий неустанно
От водопадов глаз до устья в камышах,
О нежный друг того, кто приручил желанья
Пустынные мои, чей солнцем торс пропах.

Вдоль низких берегов бегущий осторожно,
Потупившись, гордясь, чуть замедляя бег,
Пришедший рассказать о том, что невозможно
Помыслить на пути иных прекрасных рек.

Вдоль каменистых круч бегущий безутешно,
Вдоль грешных снов моих, сам поневоле грешный.
Бессонный, что зарю встречающий судьбу,
С восьмиконечною чужой звездой во лбу.

«Ни заботы, ни тоски...»

Ни заботы, ни тоски.
Видно, больше не близки.
Только утром пустота,
Только в полдень суета.

Только ночью – вдруг: – Не спишь?.. —
Ах да, это ветер с крыш,
Или над волнами – Дух,
Или губы мои – вслух.

Алебастровый сосуд
С осторожностью несут:
Он – дитя, семья, очаг,
Трепет бабочки в очах,

Трепет бабочки в груди,
Слепота (– Не обойди!),
Миро для желанных ног.
Бредит сердце. Близок Бог.

«Фиолетовый март...»

* * *

Фиолетовый март,
Не пьющий из целой посуды, —
“Nie wypadaj się martwić!” —
На что мне твои пересуды,

На рассвете белеет,
Оставлена с вечера в раковине...
О твоей по золе,
Март, рассыпаны враки вине.

К твоему ли подножью,
Из земли побожественней тех,
Тянутся бездорожьем
“Sireli!” – и бездетное: “Ariaisteh!”?

Март надтреснутой чашки,
Недочерченных кружев древес,
Тишины нараспашку,
Приходящей зачем-то с небес.

Night Club

1.

Золотые ободы
У веселых глаз,
Скул февральской худобы
Тени напоказ,
Квас пожатий пьющая —
Ласточкой – рука,
В окнах стужа злющая;
Погоди пока.

Дворник – зверь оранжевый,
Солнце на снегу, —
Зря не взбудораживай
Черную пургу,
К водосточным желобам
Не взметаи ворон,
Чутких к ветра жалобам
С четырех сторон.

Крылья, плечи вздернуты,
Острый клюв – карниз,
Со всех стен лезть, ёрничать,

Заглядеться вниз,
Гребнем, когтем сточенным
Жаться к февралю.
Чтоб химерой корчилось:
– Я?.. тебя?.. люблю?

2.

Танцующий как солнце – на краю, —
Нет, не бокала: жизни! – ты же знаешь, —
Таким бы ты мне встретился в раю...
Ты с пудельком отчаянно играешь.

С веселым, ласковым, доверчивым, в слезах, —
Нет: это я в слезах, – над бездной зыбкой
Дурачишься, обманывая страх
Все понимающей своей полуулыбкой.

Скрывая удивление (“Я здесь? “)
И паводок очей держа в запруде,
До корешков волос впивая лесь —
И сухость просьб вдыхая полной грудью.

Бездомнее, чем души на земли,
Твоя игра, но голос твой смеется —
И что-то отзывается вдали,

А пуделек то носится, то жметя.

«Мне тебя не прозывать...»

* * *

Мне тебя не прозывать —
Можно только забывать,
Не за что тебя простить —
Можно только отпустить.

Можно лугом лечь в туман,
Лечь монеткою в карман,
В протокол внести вопрос
О... (слепом дожде волос!), —

О... (не знаю, почему,
Все встают по одному,
Покидают молча зал:
Что же это я сказал?).

Нежеланный и чужой,
Что же сделал ты со мной,
Как меня посмел обречь
На любви родную речь?!

«О ты, струящийся и блещущий в росе...»

* * *

О ты, струящийся и блещущий в росе,
И локоном серебряно-облакий,
И из кувшина, подобного жесткой осе,
Льющийся – жестом текущим, серебрянооким,

Сотворенный до света, без циркуля и без числа,
Прежде тверди небесной,
От дыханья и слез отделившегося ремесла
Жадной речи отвесной,

Прежде смысла и до языка,
Со-творящего смыслы,
И не только до Рюрика, чья победа невольно легка,
Но до лебеда и Гостомысла, —

Не пускай, удержи, сокруши
Проливными слезами,
Укоризнами (рэпом славянской души),
Площадным подсознанием, сдающим экзамен

Снимавшемся обнаженным

1.

С душой трехлетнею и плотью Ариеля,
Лукавым деревцем, что потупляет взоры,
С полуулыбкой скрытного апреля,
Чьи тайны нежные как слезы хлынут скоро, —

С душою-неженкой и взлетом Ариеля,
Отдав легко бесценные улики,
Дав пищу лжи любых Скиапарелли,
Весь в этом “Радуйся!”, весь в этом “Видишь блики?”,

С душой послушною, но взором отстраненным,
Под ветром век – плоть бабочек в дороге,
Беспечно-опытный, обманчиво-влюбленный,
Судьбе вручивший дерзкие залого.

2.

Ты кажешься дерзким, желанным, доступным,

Почти оскорбляешь потупленным взором,
Одни лишь прикрывший летящие ступни,
Меня уравнивший с другими позором.

Почти ненавижу, почти избиваю
Тебя по ланитам позорно, нещадно,
Найти в тебе душу живую не чаю, —
Не чаю души в твоём лете прохладном.

Последняя истина, суд и расправа —
Твоя нагота, и набросок ответа,
Чужое “ну, здравствуй”, негромкая слава,
Узилище боли, преддверие света.

«Чуть брезгливым выражением...»

Чуть брезгливым выражением
Безупречно тонких уст,
Подозрительным кружением
Небосвода (пуст он, пуст...),

В телефоне – женским голосом,
Вновь попавшим не туда
(Не оставившим на волос мне:
“Не узнал! Вот это да!”),

Мглой согласных по проселочным
(На телегах, да с детьми),
Из глаголов – бегством елочных,
Как бенгальский жар, “Пойми!”,

Жестом (бездна каллиграфии,
С иероглифом пупка), —
Алебастровым – на кафеле
(Стало, дрогнула рука), —

Говоришь: “Не надо случая,
Случай борову подстать,
А тебе – с пустыми лучше
Перед Господом стоять!”.

«Открытки, письма с ненавистью краденой, ненавистью краденой...»

* * *

Открытки, письма с ненавистью краденой,
И ревности-горбушки рубль подобранный
У восковой души храню, и Бога ради
К соленым огурцам ховаю в погреб.

Кто не имеет – у того отымется, —
Кто сам отдаст, кто сам отпустит с Богом, —
Хоть чти стихи экономиста-крымца,
Хоть говори “Довлеет дневи злоба”.

Хоть на носочках по паркету комнаты,
Сжимая тапки щепотью малиновой,
Беги за шкаф, за угол, в вечность с бромом “на ты”,
В координаты чужих рук аффинные.

О воск мой нежный, разучись поспешно
Прощать небрежно (тосковать кромешно),
Все понимать (взор прятать безутешный)
И грешный лоб студить подушкой вешней.

Бифуркация

*Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел
никакого вреда.*

Деян. 28, 5–6

*Клеопатра приложила аспиду к своей груди, и он
ужалил ее.*

Плутарх

Полоний улыцы за пыльной занавеской,
Полоний мартовский, безлиственный и резкий,
Не скажет до утра ни слова: слишком вески,
Но продерзит всю ночь тем раздраженным плеско
Откуда вздох один – до сырного “молчи”,
И вздоха три до гречневого “вот ключи”,
И вздохов пять (балетный шаг в ночи!)
До хриплого “тогда зачем нужны врачи?”.

Когда разлуки речь – что Львов для харьковчанки,
Один – с руки – в огонь, ей – в губы сердца: в ранку,
Разлуки речь вкусив, по-птичьи, спозаранку, —
Небесного питья! – день режется в молчанку.
Когда разлуки речь, сметая роты вех,
Ворвется в небеса до ласточкиных стрех,
Чтоб черно-бурых туч ознобом вздыбить мех, —
Расслышит тонкий слух вдруг серебристый смех.

Ichthys

Дай лишь город-ковчег хоть вполглаза уснет —
Твой портрет поцелую украдкой.
Ведь иная душа попирает и сот,
А голодной и горькое сладко.

Посылать голубей – пусть найдут Арарат,
Где ручьями бессонные речи,
Где уста не стыдясь об одном говорят, —
Не летят – всё мостятся на плечи.

Это море кругом, этот мартовский снег,
И нигде ни надежды на сушу,
Ни надежды на встречу... И мчится ковчег,
Собирая бесслезные души.

Только Рыба, играя, всплывет из глубин,
В лунной чашке начнет кувыряться.
Это карп, власть имеющий, карп-господин
Ставит стрелки – двенадцать-двенадцать.

На часах, на костяшках, на календарях
Нам спасенье обещано вскоре.
Нынче – как при баснословных царях:
Только знай, сеть закидывай в море.

И позор, и утраты, и тяжкий недуг —
Вот они: искупленье доступно, —
Лишь свидетельство губ и свидетельство рук
До конца, до конца неподкупно.

Кунцевская рифма

1.

Так странно все и так невозмутимо,
Что даже страшный и ревущий traffic
По правилам прокатывает мимо,
Обдав зияньем тишины и блефа.

И можно, очевидно, догадаться
О предстоящем содержаньи речи,
Как судят наспех о сосисках датских
И непереводимых снах овечьих,

Как судит город, импортом уставлен
И точно баритон цветами трачен,
О назначеньи в нем сокрытых спален
И карамзинском слоге новобрачий.

И непереводимую игрою
Двух синтаксисов встали виадукки,
За “я пойду” стоящие горою,
Но рцы: прощай, – и заломают руки.

И невесомо, вопреки усталым

Промерзлым насыпям, фундаменты укрывшим,
На сером фоне желтые кварталы
Парят, преображаясь в смысле высшем.

2.

А может, это старые обиды
Болят, – а кажется – тоскует сердце.
И в каждом кабинете есть и иды,
И календарь, в который плохо верится,

И бытовое так организовано
Пространство и рассчитано по долям,
Тригонометрией соединяя Овна,
Допустим, с именами “ты” и “дева”.

И лучше понимаешь астрономию
В ее святом исповедальном замысле,
Когда как символ пироги огромные,
Ликер, приборов строй стеклянно-масляный,

И Сен-Жермен картофельный романский,
И отбивных бестактные намеки,
И подростковый вдруг озноб шампанский
Свидетельствуют нам о подоплеке

Божественной и непереносимой,
Соперничающей с Эратосфеном,
Как поцелуй, как пальцы – мимо, мимо,
Где грусть, шампунь и опадает пена.

3.

И поцелуй, как снег неуголимый,
Как невозможно-белое на черном,
Неудержимо тает, мимо, мимо,
Пространством неопределенно-спорным.

И мимо я гляжу с улыбкой странной,
В мой абажур все “нет” твои слетелись,
И в языке моем они желанны
И утвердительную обретают прелесть.

И вот, самостоятельны и властны,
Все безделушки, ручки и расчески
Фигурой умолчанья скажут ясно
Об истине невероятно плоской,

Как ржавеет в прикосновеньи света
Крем белоснежный, легкий, витаминный,
Всегдашнее “один” и “не об этом”
На дне одышки мертвенно-интимной,

На дне ее, во мраке поцелуя,
Не ближе ль паспорта тебе, скажи на милость,
Не царствуя, не видя, не ревнуя,
Душа моя тихонько притаилась.

Упражнение для губ

*Кто так слеп, как возлюбленный, глух, как
посланный Мой?*

Ис. 42, 19

Как худые, небритые греки
Вечер будет на радости скуп,
Мне изранишь крылатые веки
Поцелуями сомкнутых губ.

Истончится эмаль небосвода
До сияющих звездных столпов —
И в неслышном ковчеге свобода
Мой покинет завистливый кров.

Поплывет, словно месяц по краю,
Отороченный снежной каймой.
Смертным эхом за Ним повторяю:
Кто столь слеп, сколь возлюбленный мой?

«Давай играть в комедию с тобой...»

* * *

Давай играть в комедию с тобой,
Где масками – предметы обихода.
Вот в ванной зеркало, вот питьевая сода,
С надменным прахом рвущаяся в бой,

А вот метла сметает черепки
Саксонской жизни, остры и легки.

Ты будешь петел, буду я Петром,
А наши все – прислужники и жены,
А те, кого не примет этот дом,
Аримафейской будут пробкой жженой.

Дай смолкнет пение, и выступим мы в такт,
И не смогу я трижды не отречься,
Увидев Господом оставленный верстак...

Мой носовой платок невыносимо клетчат, —
А с верстака спадают стружки льняно,
Похожие на кудри Иоанна,

Коленопреклоненного... Ответь,
Зачем ты выковал себе грудную медь
И для кого поёшь на высотах?
Ведь мы суть персть, а наше сердце – прах,
К последнему стремящееся праху.

Так пой еще! Как пал Иерихон,
Так медью буду я твоей сражен —
Под бременем утраты, а не страха.

...Верстак, Мария, братья, Иоанн,
Смоковницы отяжелелой рифмы.
На третий день поминовенье сотворив, мы
Оставим неизменный Ханаан,
Верстак, Марию, братьев... Иоанн

Там не останется. Ему за другом милым
Ступать без слов, – какие там слова,
И не молитвы на краю могилы,
А мольбы сердца к сердцу... Голова
Тем временем трезвеет: нет пути,
Воскресшего в пелёнах не найти.

...Остановиться. Сдвинув котелок,
Огромный, клетчатый из недр извлечь платок.
Пусть грянет в Божьем мире “кукареку!” —
И разорвется занавес небес,
Чтоб самый вкус предательства исчез,
Изжогию скрутив Тулуз-Лотрека...

Чепцы – за мельницей, воздушный кончен бой,
Лишь лента розовая вьется:
Давай играть в комедию с тобой, —
Иначе сердце – разорвется.

Круг жизни

1.

Твое молчание – груши
И творог солоноватый,
И вынимающий душу, —
Последний и виноватый, —
Медлительностью течения —
Мед, багровое обаяние,
И в жестянке из-под печени,
Подавивший снеди,
Шоколад – *divina commedia*, —
А ближе к полудню – отчаянье.

Твое присутствие – лакомство,
Полоскание рта, растерянный Валаам,
Вздохи осла в кустах,
Сломавшего путь пополам,
Вечернее зарево
С полудня до новой зари,
Вечернего, карего, —
На душу мою подыши – и потри, —
С изюмом питательный хлеб.
А помнящий правду ослеп.

2.

“Чужая душа – потемки”:
Твоя душа – вертоград.
Портфель нарочито емкий
У фразы “любил как брат”.

А кто разметал ограду
Из белых – в пыли – камней, —
“Мой первый слог...”: брось шараду, —
Того поцелует змей.

(Но все же: “мой первый – нота
И междометье – второй”...
О чем это? В чем забота?
В столице сменился строй?!)

Ужалит поверх кроссовки;
«А где, – спросят, – тот, неловкий,
Что в душу глядел твою?» —
Ответ (ни к чему уловки):
– Стал бабочкой, серой совкой,
“Цыганкам не подаю!”.

3. Прибалтика

*...Ибо говорю вам, что Бог может из камней сих
воздвигнуть детей Аврааму.*

Лк. 3, 8

Из камней – сынов Аврааму,
Из персти – ему дочерей,
А мне – из прибрежного хлама,
Из сваленных в кучу ветвей,

Из сих поплавок почернелых,
Из шороха пены в песке,
И чаек, заученно-белых,
И хвой в кривоватом леске,

И утлого моря пустого,
В котором не фыркает зверь,
И тихого горя простого,
Уже затворившего дверь,

Из тучи туземной и синей,
Прильнувшей совсем к парусам, —
Транзитный, кофейный, всеильный,
Создай, кого ведаешь Сам.

«Когда зима спускается во ад...»

* * *

Когда зима спускается во ад —
Ручьями, каплями, сосульками и пеньем
Прогорклым воробьев, и хрипом стад
Вороньих, и провалом средостенья

Из мокрых глин, – и задержать мороз
Не в силах подступающий к березам
Страстям враждебный авитаминоз,
И след собачий в желтизне мимозам

Не уступает, и засеки верб
На всех дорогах выставляют агнцев —
Упрямый знак, ребяческий свой герб,
И ждут лучей как знатных иностранцев, —

Тогда по циферблату зимних дум
Вдруг пробегает тень, смешав контрасты,
Немее память и слабеет ум, —
Лишь петел сердится горластый.

Лишь петел сердится: он душу сторожит

И насовсем не отпускает —
Сердито хохлится и тоненько брюзжит
И крылья по земле таскает,

И хочет показать, что не всерьез,
Сойдя под стук кочующей капли,
Теперь пришел разымчивый Христос,
Двоих не оставляющий в постели.

И – “близкий” прозвучало наугад,
Хотя душа твердила – “ближний”...
Ты видишь, Господи: я сам себе не рад,
Между Тобой и ею – лишний.

«Стеклянные сады Семирамиды...»

* * *

Стеклянные сады Семирамиды,
Пруды, каскады, камфора, железо
И помазка торжественные виды
На tour-de-force под звуки полонеза,

И бритовки припрятанные (тщетно),
Шампуни и купальные ермолки,
Фрагменты света на местах заметных
И зеркала действительность в осколках.

И зеркала действительность иная,
Где создан смысл подвижкой нарочитой,
Где все свои, но всё теснится с краю
В сверканьи кафеля многоочитом.

И зеркала вся истина в обмолвках
Богатством назывных распространенных
Соперничает с луком и перловкой,
С восьмым “простите” не в меня влюбленных.

Sibi, Amato, или Почти по Маяковскому

Ты обозначаешься, конечно,
Беря с Иакова пример.
Сухой расчет в делах сердечных
Верней, чем ход небесных сфер.

Всё считаешь до копейки,
Чтоб промахнуться мимо уст,
И, с багажа содрав наклейки,
Вернешься лёгок, нищ и пуст.

Вовек не разжимать объятий,
Не верить в глупое «вдвоем»
И разводить ночами слякоть,
Даже не думая о нём.

Вовек не разжимать объятий,
Не верить в гулкое «с тобой»,
Не знать ни справок, ни печатей.
Как в банкомате – вразнобой.

Пусть о тебе миндаль печется,
Кузнечик продает добро,
И плачет, плачет, как сорвется,

И бьется гулкое ведро.

April Fool

Едва касаясь пальцами стола,
Как будто пульса жизни, виноватой
В том, что рецептов вдруг не соблюла,
Дышать весною выйдя рановато, —
Ты знаешь – лишь тебя она ждала
И сахарную припасала вату
Нежнейшего цветенья миндаля.

Еще слова заочны и легки,
Но речь прямая, будто позвонки,
Под нежной кожицей – ломящая основа,
И безымянной нежности впотьмах
Миндальное железо на устах,
И горечь неугаданного слова.

Недолгий равноденствия привал.
Еще миндаль очей не ревновал
К метафоре, что с похорон богатых
Дурак весенний на крестины звал,
И лишь иносказанья шли в уплату...

О Иоанн! – зияние, провал,
Хиатус лестничный, расчет самоубийцы —
Нырком от вечности непойманною птицей
Меж ребер лестницы в колодезный проем, —

Как сердце падало при имени твоём.

Когда бы гибель не была всерьёз,
Тогда бы нас не волновал до слёз
Ни город-куст, ни роза Нотр-Дама,
Когда вела б дорога до небес,
Мы шли бы в поле или в темный лес,
Не строили б ни корабля, ни храма.

Не говорили б милые уста
«Я Вас люблю, но мысль моя чиста».

**Продираясь сквозь
чеслава милоша, или автор
psiuczkiem przydrożnym**

ПРОДИРАЯСЬ СКВОЗЬ
ЧЕСЛАВА МИЛОША,
ИЛИ АВТОР PSIUCZKIEM
PRZYDROŻNYM

Странная мысль

Серебряной ложечкой чистого хора
Тихонько помешивал Бог,
Чтоб души – как бабочки, молча и споро —
С порога на новый порог.

Минуйте, короткой любви данаиды,
Сей мир за пролетом пролет.
Роскошные вас ожидают обиды
И взоров распахнутых гнет.

И будете сряду плясать до упаду, —
В мозаики спряталась ночь, —
И ветер в награду задует лампаду,
Закружит – и вынесет прочь.

«Медом и млеком, медом и млеком...»

...Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду...

Ин. 5, 5–9.

* * *

Медом и млеком, медом и млеком
Дай напитаться нам, человекам,
Дай утолиться влагой купальни,
Ангелов Творче, Дух беспечальный.

Вот мы друг к другу ходим с дарами,
Ходим украдкой, ходим дворами,
И оттого-то нету нас дома,
Дар неразменный, Дар сбереженный.

Кто-то с казною нищих одарит,
И девяносто девять в отаре
Белых овечек, нежных, послушных
Ночью не бросит ради заблудшей —

Что без разбору бродит с дарами,
Черная, ночью между горами,

Где, стон скрывая, шепчет “Осанна”
Древо столетнее... Ну, Ты знаешь.

Симфония № 5

Скрывается небо, свиваясь как свиток
Меж туч, рассыпающих прах,
И льнет, и кружится, и попросту сыплет
Снег, как на похоронах.

Как будто за тучами вновь новоселье,
Прибыток в архангельский дом,
И горюшко наше – изнанка веселья, —
Но мы не узнаем о том.

Нам мертвые знаки дороже надежды,
Бел-камень дороже креста,
И зрит Магдалина пустые одежды,
И в небе кругом пустота.

О Первенец, Агнец, о сеятель праха,
В пути предваряющий всех,
Ты в шутку воскрес, чтобы не было страха,
А только березовый смех,

Чтоб не было страха, и боли, и ласки,
Чтоб не к чему нас ревновать,
Чтоб стерлись из мира лукавые краски,
Чтоб души растерянные без опаски
Вступали на снежную гать.

«Не води на живые источники вод...»

* * *

Не води на живые источники вод,
Я и здесь понимаю тебя.
Все равно, и на них чернобыльник падет,
Нашу славу и силу губя.

И тогда мы опять целый вечер молчать
Будем, глядя друг другу в глаза,
Только близко уже медная саранча,
Это ею пылает гроза.

Станет, жаля, терзать нелюбимую плоть,
Как притворщица щиплет клубки,
Станет мельница счастья впустую молоть
Закромами обиняки.

Будет жизнь проливаться на вещи и дом,
Зелень темную, камень печной,
Уходя – не всерьез, постепенно, с трудом,
Без оглядки, порою ночной.

«Ты думаешь, что любит Бог...»

* * *

Ты думаешь, что любит Бог
За труд Свой брать сполна,
И чем таинственней твой долг —
Тем выше и цена?

Мешаются под сетью жил,
Не ценятся ни в грош,
Ничком, глухое, “дыр, бул, щыл” —
С младенческим “йон, рош”.

Все сказано обиняком, —
Ведь проще не сказать, —
О том, что каждый знал тайком,
Отказываясь знать:

Что только наш надменный толк
Затихнет вдалеке,
Как щедрый Бог и скряга-долг
Выходят налегке.

Китайская грамота

Подсолнух, не своди меня с ума
Бесслезною сорокалетней челкой,
Всегда нелепым “Дания – тюрьма!”
И сердцевины пуделем с иголки;

Скворечник, не вводи меня во грех
Простой, что сушь во рту, твоей разгадки,
Чтоб – до травы от ласточкиных стрех —
Воздушные чуть-чуть плоились складки.

Чтоб бабочек, огромных как трусы,
И ласточек заморской гарнитуры,
И, в волосах травы, седой росы,
И облаков стальной мускулатуры,

И шляпок с лентами картофельной ботвы,
Встречающей героев на причале,
Мышей, тихонько шепчущих “увы”, —
Я не узнал в полуденной печали.

Чтоб не признал длины, и высоты,
И ширины, а только видел: время,
Смородиновые сожрав кусты,
Вошло в shortlist литературных премий.

Сорока иероглифом “Китай”

Над каменной взошла печной трубою.

По правилам грамматики, читай

“Нет, не любил...” как “Мне не быть с тобою!”.

«Алюминиевой ложкой...»

* * *

Алюминиевой ложкой
Ветер машет над травой,
Надобно совсем немножко,
Чтоб сказать: и я живой.

Только ветреной отведать
Серебрящейся ухи,
Точно в праздник, в эту среду
Нанимаясь в пастухи.

Только в городе бессонном
Ночью выйти на балкон —
Теплый ветер там в кальсонах
Прет поверх лобастых крон.

И ему доступна шалость —
Снять с души секретный гриф.
Обещания сбывались,
Ничего не изменив.

О борще

*Когда тебе за 40, говорить остается только о еде, потому что другие темы слишком болезненны.
А. Зимин, повар-грамотей*

Когда раскрываешь окна —
Из кухни выпустить чад,
Все ветры к тебе намоклые
Влетят чехардой зайчат.

И ты как приморский город
Открыт стал и уязвим,
Как брюхо весны распорот,
И неприкаян как дым.

Единственная преграда
Тебя еще держит здесь:
Предания как награды
Ждет овощная смесь.

Вначале страдает лоно —
Свекольный косматый лес,
И Капернаум морковный
Пробуется на срез.

В томатной цветастой шали —

На площадь сковороды.
Все враз по краям шкворчали,
Открещиваясь от беды.
Пойдешь ли дорогой торной
Сметану молить «Сойди!»,
Всё будет сердцу просторней,
Чем в тесной летать груди.

Как будто бы цвет и запах
Верней беспощадных слов.
Упорствуя в тихих сапах
И глядя поверх голов.

«Очей твоих молвою легковерной...»

* * *

Очей твоих молвою легковерной
Я осужден, и высмеян, и сыгран,
Как будто ритм судьбы на метроном манерный
Ты опрокинул, вжав в косую грань.

Ты – в четверть года, в четверть легких – я...

Апрель мой, царь мой, проповедник мой
Невидимый – черемуху пророчит,
И такты бьет, и сердце холодит...

Уж знаю, близко: перехватит дух
И ритм сухой – мелодией озвучит,
И холодом пахнет, и сердце мучит
Как будто бы предвестием добра.

И ты, мой пульс разбив по четвертям
И дольником испытывая печень,
Заметишь вдруг, что жертвовать мне нечем,
Что кровь моя – натеки на подсвечник
И знобкий цвет, увядший по ветвям.

А в осени бесстыдной впереди
На многоглаголивой площади
Шатается растрепанная память, —
И врет, что, мол, она нежней груди.

Day-Dreams

Погадай на мне, девица,
Слез от воска не тая.
Рада будет растопиться
Темная душа моя.

В жаркий терем алчным зверем
Капать, капать до утра...
Так ли мы еще поверим,
Что закончилась пора!

Напророчу – озадачу,
Только силы уведу —
Слишком поздною удачу
На лазоревом пруду.

Чтобы в башенках картонных
Видеть аглицкие сны
Об укорах монотонных
Неродившейся весны.

Macbeth

In his commendation I'm fed.

Растревожит тебя похвала...
Это – месь-мостовая была.
Уязвлю тебя лестью своей
За обеты несбыточных дней,
За разрез туркестанских очей,
Да за связку Петровых ключей.
Что ни стон – фанфарон, что ни крик...
Изолгался мой вещий язык.
Да и сердце не хочет отстать,
Все зовет – не любить, – вспоминать.

...Этот мне ненавистный досуг...
Это злое сплетение рук...
Эти взоры, таящие страх,
Эта чуждая боль, этот прах...
Много званых – да избранных нет...
Но как будто известен ответ.
И, на склоне холодного дня:
Савл, Савл, что ты гонишь – Меня?

Horror Vacui

В музыкальной мне шкатулке
Мышкой белую плясать,
От пружинки мертвой, гулкой
Всякий раз кидаясь вспять.

Отдохнуть едва ль придется,
Потемнеет киноварь,
Над пустынею зажжется
Абрикосовый фонарь.

И с предвечных сфер моторных
Зрит беспамятный Господь
Хоровод телец проворных,
Озадаченную плоть,

Как до хвостика напряжась,
Съев конфетные мосты,
Преодолевают ужас
Неподдельной пустоты.

Путешествие в Сергиев Посад

И в мудрости лукавый след греха,
И слово, что, смешно как фильм трофейный,
Осядет, брошенное впопыхах,
На дне беседы горечью кофейной,
И добродетели холодный произвол,
И бедный блуд, не ставший преступленьем,
И этот сад, что поздно так отцвел,
И даже ты, складных сомнений пленник, —

Все тяжело оставленной душе,
Все тяготит двусмысленностью тайной,
Как та мольба о ломаном гроше —
О гордости, о дерзком пропитаньи,
Как то сиротство наглое, в упор,
Как барственность отвергнутой любви,
Как с одиночеством вступающие в спор
Высокомерно вскинутые брови.

Акростих

Приближаются красные сроки,
Растворилось в мансарде окно,
И таинственным взором глубоким,
Шуткой дерзкой, молчаньем жестоким,

Ёрничеством меднооким
Лезет месяц, и вечно дано
Дуться, спать и от горькой обиды —
Ах, как в детстве! – кривиться для виду.

Нынче, слушай, меня подменили:
Ересь гордая, слава чужая,
Зависть женственная и злая —
Алым бантом лежат в водостоке,

Стал я сильным, русым, высоким,
Темнобровым и длинноногим,
Алчным к жизни, бодрым и строгим, —
Лишь тебя я люблю как прежде,

Чисто, глупо, смешно, уныло,
Торопливо и без надежды...
Одиночество очи, вежды
Жадно ищет, нетерпеливо, —

Поцелуй – и все позабыто,
От гремящего дня укрыто,
Йодом творчества жизнь убита,
Делом мирным – отняты силы.
Уподоблюсь первому снегу,
Праздной мысли, дальнему берегу,
Отыщу свою благодать, —
Где найду – там и потеряю,

Развеселую свадьбу сыграю,
У декабрьских порогов мая
Щуку вещую в горсть поймаю —
Упрошу ее подождать.

«Любимый мой, как ХОЛОДНО И СТЫЛО...»

* * *

Любимый мой, как холодно и стыло
Воскресный день колоколами душу
Все замывает, будто полотно
В угрюмой, белой, ледяной реке.
К обеду станет на дворе темно,
И любящим, надеющимся, ждущим
Покажется, что счастье застыло
Монеткою в протянутой руке.

Вот-вот навеки душу погублю,
Ничто, меж тем, не двинется в природе,
И ты, наверно, даже не заметишь
Того, что добродетель мне смешна,
Того, что в каждом вижу я уроде
Твои черты – что, видит Бог, люблю;
Что рано ль, поздно ль от небесных вретисц
Освободиться истина должна.

Так с хмурой юностью навеки мы простимся,

Она иных даров не принимала, —
Она едва ли верила в награду, —
Как только этот невоскресший день,
Когда лишь плачут, ждут и снова плачут...
И ты хламиду скромника надень
И пропусти все восемь ливней кряду...
Пока не утолишь слезою злачной
Ты барабанщицу, тугую кровь,
Все будешь задыхаться, скажешь: мало
Надежды в воздухе! – И разом убедимся,
Что тот, кто мыслит, – всех мертвее мертв.

Caritas Nunquam Excidit

...Иго Мое – благо, и бремя Мое легко.

Неожиданно не страшно,
Неожиданно легко.
До позорных клятв вчерашних
Стало слишком далеко.

Не заботилось, не стыло,
Не горело на ветру
Сердце. И едва ль любило,
Распроставшись поутру.

Нет ни храбрости, ни страха,
Ни надежды, ни тоски,
Всё решилось одним махом.
Капли. Натереть виски.

Чайник. Белые таблетки.
Белый снег. Седая ночь.
Холод. Лестничная клетка.
Кто там курит? Шел бы прочь!

«Шкафчик с пряностями – точно сердце...»

* * *

Шкафчик с пряностями – точно сердце,
За узорными дверцами дом,
Где над душною тяжестью перца
Полыхает гвоздика углем,

Где в имбирные слезы и трели
Вдруг бросает заносчивый тмин,
И цикорий болезненный – в двери,
И в мистический холод – жасмин.

Все признания в вечности длятся,
Omnes conservat Dominus res.
Должен ли я за стрелками гнаться?
Гоно́р мой – это spes, а не спесь!

Как же просто – замешкаться, скрыться,
Приотстать в середине пути,
С головой под подушку зарыться...
«Мы увидимся, ты не грусти».

Оттепель, или Валентинка для Офелии

...Кольми же вы лучшие птиц!

*Здесь всё меня переживет,
Всё, даже ветхие скворечни,
И этот воздух, воздух веший
Морской свершивший перелет.*

А

Не мытарем, боящимся молиться, —
Но на тебя все ж не подьемлю глаз.
Когда тебя чем свет взыскует птица —
Не лучше ли я птиц во много раз?

Мне страуса пристало оперенье —
Ручьев в снегу безудержный наряд,
Чтоб лепетом губным благословенья
Смешить нагих отчаянных наяд.

И исподлобья глянула полоска
Едва живущих оттепельных дней,
И Божья мать пробует желёзки
Подпухлые у зябнущих ветвей.

И этот запах вдруг морской, нездешний,
Болезненный, но гордый и пустой,
И вдруг заметны сделались скворечни,
Что проиграло небо в морской бой.

И сумерек толпа срединно-зимних
Валит на площадях митинговать
Уже с утра, хотим ли, не хотим ли,
А «дома быть» – прочтется «вспоминать».

И память, не смущаемая зреньем,
Вся обратится в бесконечный слух,
Но, мира зримого мелькнув влюбленной тенью,
Мир слышимый для памяти потух.

...Вовек всех нужных справок не собрать им,
И это, в общем, вовсе не беда,
Что слишком скоро сорок тысяч братьев
Растают в перспективе без следа.

Подражания

1.

И снова Лазаря суббота
Грохочет кровию в ушах,
От темени солнцеворота
Едва переступив на шаг,

Вцепившись в рыжий дня загривок,
О ветки влажные биясь,
Она проскачет как Годива,
Над нами испытывая власть.

Она смутит и растревожит
Ненужной щедростью своей,
Она соблазн неосторожным
И антифон грядущих дней.

И потому, едва заслышав
Рыданья, крики от ворот,
И голоса зевак на крышах,
И убегающий народ,

Скажу: По нашим прегрешеньям,

Ты, Господи, повремени:
Не надо чуда воскрешенья,
Живых спаси и сохрани.

2.

*Blessed are they that mourn: for they shall be
comforted.*
Matt. 5, 4

Сгущаясь Вербным воскресеньем,
Узор пустующих ветвей
Означил недосып весенний
На тучах сечкой глазырей,

И все кого-то ждут и медлят,
Невольню сдерживают ход, —
Еще немного, день последний,
И вот Он, среди нас, грядет.

И, в небо кинув взор пустое,
Сломает зимнюю печать:
“Меня имеете с собою
Еще дней, может, сорок пять”.

И тут же воды, травы, птицы
Ласкать срываются и ждать,

И снова, обнявшись, кружиться,
И к сердцу милых прижимать.

Блаженны плачущие, слышишь!
Но этот приз не взять вдвоем.
Долой коварство: я не выше;
Я не жалею. Ни о чём.

Элементы

1.

За апрельской страной саксофона
Бродит лето, стадами трубя.
И, пока не опомнилась крона, —
Прореки, кто ударил тебя!

Не то враз зацветет, загрохочет,
Забунтует, свободу губя...
Вместо голоса – яростный кочет, —
Прореки, кто ославил тебя!

А потом, замешавшись с толпою,
Миротворцев чужих возлюбя,
За столом, что расставлен *покоем*, —
Прореки, кто забудет тебя.

Вот и жизнь, как всегда, на ладони,
И на годы вперед, как тогда,
На апрельской пустующей кроне
Осыпается неба слюда.

2.

За душой точно за морем Белым,
За вечерней рассадистой мглой,
Я храню в чистоте онемелой
Все, что есть меж тобою и мной.

Все вещицы, все злые предметы,
Все, в чем нету тебя ни на грош, —
Все мне чудные дарит приметы
Милой жизни. И тем и хорош

Мокрый лес и черника босая, —
Мы зачем-то ее соберем,
Продолжая, трудясь, не бросая,
Точно в дом, точно есть у нас дом, —

Что прикрывшись неспешной работой,
Лишь отрывистым словом делишь —
Всею косноязычной заботой
Я решаю все тот же пасьянс.

Nefarius

Ледок осенний, и ни слова.
Дай, лужам выправлю прикус.
Меж встречей и разлукой снова
Нет ничего, лишь пар от уст.

Припомни: меднооким летом
День как язычник умирал,
Под юбками травы, в кюветах
Тяжелым холодом играл.

И лишь один жасмин старался
Ничьих похвал не позабыть
И напряженно дожидался —
Снегов мертвящих, может быть.

Рыдают на страницах четных —
Наотмашь на нечетных, всласть.
Пусть Марфа о любви печется, —
Я ж предпочту благую часть!

Замолкает, и тут же – голос

– Нам не нужно для встреч ни подъезда, ни ложа,
Я хочу твои... да, я хочу – это тоже,
И со стрелкой секундной бежать наравне...

Я хочу твоих слов, просто слов – обо мне.

Аминь.

«В кошельке декабрьской ночи...»

* * *

В кошельке декабрьской ночи
Стал я медною монеткой,
И меня никто не хочет
От салфеток и объедков,

С блюдечка, где синька счета,
Со скатерки в крошках пепла
Подхватить, чтоб ни на йоту
В ребрах сердце не ослепло.

Нет, декабрь меня закинет
В шапку нищему чужому,
Что и бровию не двинет,
Только скажет “Вот и дома”.

Скажет: “Мой медяк желанный,
Сердце от тебя прозрело,
Перехожий ты и странный,
Как мое худое тело”.

Нынче станем неразлучны,

Ты слепец, а я – вожатый,
До угла, – а там получше
Бросит кто-то виноватый.

Вариации на тему судьбы

1.

Не спрашивай, зачем мы рядом.
Недоуменным, полным сна —
Как прежде, будет нам обрядом
Чуть скованная тишина.

На обороте дня, поспешны,
В слезах, пока не брезжит свет,
Мы так навеки безутешны!
И так безжалостен ответ!

Но днём – совсем иное дело.
День дозволяет, солдафон,
О *будущем* трепаться смело
И не глядеть на телефон.

Тебя я слушаю вполуха.
И ты ничей, и я ничей.
А с потолка глазеет муха
Толпой фасеточных очей.

2.

Clutching her handkerchief...

Битлы, кажись

“Чужие,” – где-то жмут на нервах,
А в гардеробной, между строк,
Вторая подражает первой
Любовь и комкает платок.

И нежностью такой неловкой,
И промедленьем у дверей,
За душу тронет не уловкой —
Напоминанием, скорей.

Безумных чаек силуэты —
В блокноте глупый почерк мой.
Опять готовить сани летом,
Телегу смазывать зимой.

И невозможно отлучиться
Из памяти под Новый год,
И кто-то будто молвить тщится
«Послушай, всё наоборот».

Jan Szpońka

Немало нынче мух... Небесное родство.
Все ивы видят сны, от Дании до Ворсклы,
Лишь только зной сойдет, затеют сватовство
Игольное ушко и баловень-наперсток.

Зачем же притворюсь, зачем не буду мил
И разыграю горькую обиду?
И царствует душа, и расточает пыл,
И смотрит нищенкой – для виду.

И тяжело ей зло, и непонятен путь
Всегда двусмысленного блага,
И за века – судьбу не изменить ничуть:
Забывчивость – ее отвага.

Пусть жизни злой полна горячая рука
И ревность просит поцелуя, —
Я не скажу “прощай”, но холодна река
И льнет с востока – “аллилуйя”.

Инверсии

I zaczynam monolog trzynastozgłoskowy...
Pan Julek

Я на кухне тупейный художник —
Чистить бульбу что графа голить,
Лжеантичный тринадцатисложник,
Точно цену кассирше, бубнить.

Rumores senem severiorum
Aestimemus в истершийся грош...
Мнемоническим жадным приемом
Кухонный вдруг прорвался галдеж.

Углекислые рвутся каверны,
Ком стиха зреет вправо и вниз,
И вот-вот оборвется, наверно,
Этих туч ненадежный карниз.

Ведь зима не умеет прощаться,
Зажимать свое сердце в кулак,
Так уйти, чтобы не возвращаться,
Так задуть, чтоб лишь холод да мрак.

Вечно – вдруг над пасхальным апрелем
Взгляд тяжелый, и снег – вот он весь.

Видно, птицы отбить не сумели
Эту слишком буквальную спесь,

И в латыни сойдутся навечно
Ритм и речь – как дыхание и плач,
Чтоб нам «кровь» рифмовать бесконечно,
Но лукавых не ведать удач.

«...По локти в тумане сквозных палестин...»

* * *

...По локти в тумане сквозных палестин,
Нежнее, чем ангел разлуки, жасмин
Расцвел – что собрался походом на Крым,
Как будто решил умереть молодым.

И нет кроме холода в нем ничего,
И будто ничем не утешить его,
И точно раскрыт он для смерти и губ,
Привставший на цыпочках, с близкими груб.

Но всходит зарничная грозная мгла,
В окне, голубиноного цвета крыла,
Что в комнату снова не мир принесла,
А тот же ликующий меч,

Что в небе закатном, меняясь, дрожит,
Что райские кущи от нас сторожит,
Скорей, чем в объятья, на небо взбежит
Бежавший, не чуя ног, встречу.

Hysteresis

HYSTERESIS

Беллетристика

Один возьмется, а другой останется...

Бывает в близости один рубежный миг,
Внезапно налетевшая прохлада,
Темнеют очи, устают язык,
Изжогой на сердце щемит досада.

Ну точно озеро, как пробегает рябь
И тень от тучи будто укоризна,
Темнеет вдруг – и вот оно уж хлябь,
Неведомой исполненная жизни.

И снова солнце, – но уж не пройдет
Из памяти недавнее смятенье,
И отчужденья соляной налет
Царапнет вдруг под мимолетной тенью.

Вот так и мы – что озеро с тобой:
Чем ближе – тем рубеж неодолимей.
Мне дорог твой лазоревый покой,
Но стать бы я хотел твоею глиной,

Картавым берегом, корнями у воды,
Холодными подводными ключами,
Зверьем, что порассыпало следы,

Твоим туманным утренним молчаньем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.